

САРМИТЕ ЛАГЗДИНА

К ПРОБЛЕМЕ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
ЛАТЫШСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО С СУФФИКСОМ -ISK-

Прилагательные, образованные от основы существительного при помощи суффикса *-isk-* (соответствующего русскому *-ск-* и немецкому *-isch*), издавна составляют продуктивнейший тип прилагательных в латышском языке. Особенно возросла их активность в последнее время, и вместе с тем вновь актуальной становится полностью еще не решенная проблема значения прилагательного с суффиксом *-isk-*, которая давно привлекает внимание латышских языковедов (в историческом плане или в аспекте семантической дифференциации между прилагательными с суффиксом *-isk-* и суффиксом *-ig-* или генитивом существительного)¹. Однако вопрос о качественности или относительности этих прилагательных обычно особо не выделяется, хотя проблематичной является именно относительная функция прилагательного.

Благодаря своему общему значению — значению отношения — прилагательное с суффиксом *-isk-* совмещает в себе как качественный, так и относительный аспекты. Однако в ходе развития латышского языка некогда существовавшие в нем немногочисленные относительные прилагательные с этим суффиксом исчезли и их функцию взял на себя генитив существительного². В результате на современном этапе развития языка исконно латышские прилагательные на *-isk-* (т. е. образованные от основы существительного латышского происхождения) всегда имеют более или менее ярко выраженное качественное значение. Это можно наглядно показать с помощью сравнения аналогичных прилагательных

¹ См., напр.: Blīnēns A. Pārmaiņas ekvifunkcionālo atrībūtīvo determinantu lie-tojumā latviešu valodā.— *Baltistica*, II priedas. V., 1977, 20.—25. lpp.; Endzelīns J. Dažādas valodas kļūdas.— Rīgā, 1928, 9.—10. lpp.; Endzelīns J. Jaunu vārdu radī-tājiem.— Darbu izlase. Rīgā, 1980, t. 3, 2. d., 398 lpp.; Endzelīns J., Mīlenbahs K. Latviešu gramatika.— Rīgā, 1907, 35.—36. lpp.; Ķīķauka P. Piezīmes par dažiem latviešu valodas labojumiem.— Rīgā, 1937, 82.—86. lpp.; Mīlenbahs K. Daži jautā-jumi par latviešu valodu. 2. burtn.— Rīgā, 1893, 21.—39.; 43.—46.; 62.—67. lpp.; Mūs-dienu latviešu literārās valodas gramatika.— Rīgā, 1959, I. d., 252.—268. lpp.; Saulē-Sleīne M. Par sufiksa *-isk-* formu un tā leksiski gramatiskām funkcijām (it sevišķi baltu un slāvu valodās).— Veltijums akadēmiķim Jānim Endzelīnam 1873—1973.— Rīgā, 1972, 225.—252. lpp.; Valodas un rakstības jautājumi.— Rīgā, 1940, 9.—10. lpp.

² См.: Endzelīns J. Latvieši un viņu valoda.— Darbu izlase. Rīgā, 1979, t. 3, 1. d., 509. lpp.

в латышском и русском языках, напр.: прилагательное *dzīvniecisks* от существительного *dzīvnieks* «животное» имеет качественное значение «подобный, свойственный животному», но не имеет чисто относительного значения «относящийся к животному»; прилагательное *kundzisks* от *kungs* «барин» имеет качественное значение «такой, как у барина, характерный для барина, высокомерный, надменный», но у него нет чисто относительного значения «относящийся к барину, принадлежащий барину». Относительные значения, имеющиеся в русском языке, в латышском выражаются с помощью генитива существительного; напр., русскому *животный мир* соответствует латышское *dzīvieku valsts* или *dzīvieku pasaule*, русскому *барский дом* — латышское *kungu tāja*.

Из сказанного следует, что в словообразовательной системе современного латышского языка прилагательное с суффиксом *-isk-* является качественным, не предполагающим чисто относительного значения; аспект относительности в нем сохраняется только в виде фонового значения отношения.

И все же в современном латышском языке имеется группа прилагательных с суффиксом *-isk-*, употребляемых в функции относительного прилагательного и с точки зрения языковой системы дублирующих функцию генитива мотивирующего существительного. Это слова иноязычного происхождения с терминологическим характером, такие как *geometrisk* «геометрический» или *klimatisks* «климатический» и т. п. Большинство из них заимствованы из других языков в виде готовых лексических единиц или лексико-семантических вариантов или даже в виде компонентов конкретных словосочетаний (напр., *brīziskā cirkulācija* «бризовая циркуляция»). Хотя в ситуации возрастающего потока информации и роста всеобщей образованности многие из слов этой группы стали достоянием общеупотребительной лексики латышского языка, все же все они появились на свет в сфере терминологии или имеют терминологический характер.

Такие относительные прилагательные с суффиксом *-isk-* в современном латышском языке составляют довольно обширную группу, которая под влиянием контактирующих языков постоянно пополняется новыми словами, в то же время как сама модель деривации относительных прилагательных на *-isk-* по существу осталась чуждой словообразовательной системе латышского языка. Лишь в отдельных случаях в сфере терминологии создаются новые прилагательные с относительным значением на основе существительных латышского происхождения, напр.: *laicisks* от *laiks* «время» (*laiciskā kvantēšana* «квантование во времени»); *vilnisks* от *vilnis* «волна» (*vilniskais ciklons* «циклон волновой»). А терминосистемы, как известно, в значительной степени обособленны и имеют свои специфические законы (напр., требование однозначности термина даже вне контекста, требование парадигматической системности в пределах терминологии определенной отрасли и определенного языка, тен-

денция согласования с терминосистемами контактирующих языков). В общеупотребительном языке встречаются только единичные лексико-семантические варианты прилагательных от существительного латышского происхождения с относительным значением, притом они созданы не путем деривации по модели латышского языка, а путем семантического калькирования. Хотя некоторые из них, появившиеся в более ранний период развития латышского языка, такие как *saimniecisks* «хозяйственный» или *vēsturisks* «исторический», прочно завоевали свое место в языке, обычно прилагательные латышского происхождения в относительной функции воспринимаются как «нелатышские» и вызывают сомнения насчет правомерности их существования, напр.: *dzejisks* «поэтический» от *dzeja* «стихи, поэзия» наряду с качественным значением «поэтический»; *skatuvisks* «сценический» от *skatuve* «сцена» наряду с качественным значением «сценический».

Таким образом, относительные прилагательные с суффиксом *-isk-* в латышском языке образуют в известной степени замкнутую подсистему (с семантической точки зрения — «иноязычного происхождения»), которая еще не полностью усвоилась в общеупотребительном языке, поскольку имеет место противоречие между относительным значением этих прилагательных в лексической системе и качественным значением модели в словообразовательной системе латышского языка.

Как уже отмечено, рассматриваемая проблема не является новой: в ходе всего развития латышского литературного языка право существования тех или иных относительных прилагательных на *-isk-* параллельно с генитивом существительного в той же функции подвергалось сомнению³. Однако в процессе развития языка большинство относительных прилагательных на *-isk-* иноязычного происхождения прочно укоренились в латышском языке и закрепили за собой определенные семантические нюансы по сравнению с генитивом существительного⁴, так что замена их генитивом мотивирующего существительного во многих словосочетаниях кажется уже немыслимой, напр.: *etnogrāfiskais muzejs* «этнографический музей», *geogrāfiskais plātnis* «географическая широта» и т. д. Свидетельствует ли это об изменениях в грамматической системе латышского языка, о возрождении некогда утерянной модели деривации относительного прилагательного? Думается, что нет. Как следует из вышесказанного об обязательной качественности прилагательного на *-isk-* в латышской словообразовательной системе, относительное прилагательное в латышском языке по сравнению, напр., с аналогичным русским прилагательным должно приобрести дополнительный,

³ См., напр.: Endzelīns J. Dažādas valodas kļūdas.—Rīgā, 1928, 9.—10. lpp.; Mīlenbahs K. Daži jautājumi par latviešu valodu. 2. burtn.—Rīgā, 1893, 21.—39.; 43.—46.; 62.—67. lpp.

⁴ См., напр.: Mūsdieni latviešu literārās valodas gramatika, 1. d., 254, lpp.

более или менее выраженный, но обязательный качественный оттенок, налагаемый на него значением латышской словообразовательной модели. С другой стороны, можно полагать, что именно этот неизбежный качественный оттенок в то же время является главным условием, обеспечивающим потенциальную возможность включения относительных прилагательных на *-isk-* в латышский язык; он служит как бы связующим звеном между лексическим значением данного прилагательного и словообразовательным значением модели.

На основе этого можно сделать уточнение теоретического характера: в латышском языке нет прилагательных на *-isk-* с чисто относительным значением, что так широко встречается в русском; так наз. относительное прилагательное на *-isk-* в латышском языке — это прилагательное с **доминирующим** относительным значением. Поскольку резкой границы между качественным и относительным значениями не существует, то при отсутствии других, особых факторов этот семантический сдвиг обычно является трудноуловимым и сам по себе не препятствует адекватности восприятия относительного аспекта значения прилагательного или адекватности конкретных значений латышских прилагательных соответствующим русским прилагательным. Следовательно, нет оснований для принципиального отрицания прав существования относительных прилагательных на *-isk-* в латышском языке.

Однако существует ряд факторов, ограничивающих возможность свободного образования и употребления таких прилагательных и прямо или косвенно объясняемых вышеизложенными теоретическими соображениями (некоторые из них, как следует из практических рекомендаций в упомянутых работах латышских языковедов, в какой-то мере уже осознаны, хотя не нашли теоретической формулировки). Эти факторы совмещают в себе разные аспекты: словообразовательный и лексический, языковой и текстовой, семантический и частотный. Попытаемся кратко обобщить основные закономерности, соблюдение которых может способствовать болеециальному образованию и употреблению относительных прилагательных на *-isk-* в составе нетерминологических словосочетаний.

1. Обычно не следует образовывать относительные прилагательные или лексико-семантические варианты с относительным значением от существительных латышского происхождения, даже если нет противоречия между требуемым относительным значением и существующим или потенциальным качественным значением прилагательного, напр.: *ainavisks* «ландшафтный» от *ainava* «ландшафт» (*ņemt vērā ainavisko kontekstu* «учитывать ландшафтный контекст»); *telpisks* «пространственный» от *telpa* «пространство» (*ietilpt nelielā telpiskā vienība* «помещаться в небольшой единице пространства»); *valstisks* от *valsts* «государство» (*valstiska mēroga uzdevumi* «задачи государственного масштаба»). Отсутствие относительного значения у латышской словообразовательной

модели препятствует восприятию таких прилагательных в качестве нормативных; вместо них рекомендуется употребление генитива: *ņemt vērā ainaivas kontekstu, ietilpt nelielā telpas vienībā, valsts mēroga uzdevumi*.

2. Прилагательным на *-isk-* в латышском языке невозможно выразить конкретные чисто предметные отношения притяжательности, предмета и материала, предмета и содержания, действия или результата действия и субъекта или объекта, поскольку в связи с обязательной качественностью латышского прилагательного в нем происходит неизбежный отрыв от чистой предметности, значение его всегда более или менее абстрагировано от предмета, обозначаемого мотивирующим существительным. Неуместность атрибутивного отношения, выражаемого прилагательным, обычно выявляется уже в пределах словосочетания, напр.: *aktieriskais ansamblis* «актерский ансамбль», т. е. «актеры»; *komunistiskā celtniecība* «строительство коммунизма»; *metāliska pīle* «металлическая капля», т. е. «капля металла»; правильно: *aktieru ansamblis, komunisma celtniecība, metāla pīle* с генитивом существительного. Иногда все же ошибка раскрывается только в более широком контексте — словосочетание само по себе возможно, однако его смысл не соответствует смыслу данного предложения, напр.: *lugas režisoriskais traktējums* «режиссерская трактовка пьесы» в тексте, где имеется в виду трактовка, данная пьесе конкретным режиссером (ср. с качественным значением «трактовка, подчиняющая все компоненты постановки единому замыслу режиссера»).

3. Не рекомендуется употребление лексико-семантических вариантов с относительным значением, если прилагательное уже имеет стабильное качественное значение с ярко выраженным оценочным характером — оценочность препятствует нейтральному восприятию относительного аспекта прилагательного даже в случаях, когда контекст снимает понятийную многозначность, напр.: *logiskie darbi* «труды по логике» (ср. с качественным значением прилагательного *logisks* «логичный»); *plakātiskā tāksla* «искусство плаката» (ср. с качественным значением прилагательного *plakātisks* «поверхностный, безыдейный»). Более правильно: *darbi logikā, plakāta tāksla* или просто *plakāts*. Противоречие между обоими значениями особенно ярко чувствуется в прилагательных латышского происхождения, напр.: *dzejiskās formas meistars* «мастер поэтической формы» (ср. с качественным значением прилагательного *dzejisks* «поэтичный»).

4. Все же надо признать, что в большинстве случаев латышские относительные прилагательные, взятые каждое в отдельности, не вызывают конкретных возражений. Приемлемым обычно является также употребление их в данном словосочетании и в данном предложении, поскольку многие отношения объективной действительности можно представить в языке в виде атрибутивного отношения. Опасения вызывает другое явление — бурный рост частоты этих прилагательных в речи, осо-

бенно в газетных текстах и научно-популярной литературе по вопросам общественных и гуманитарных наук. С теоретической точки зрения относительные прилагательные, функционирующие параллельно с другими языковыми средствами, как будто должны обогатить язык, расширить возможности выражения и способствовать понятийной точности текста. Однако в практике часто имеет место некритическое отношение к относительным прилагательным на *-isk*. Данные прилагательные являются как бы «заемствованными» общеупотребительным языком из сферы терминологии, где они функционируют обычно в составе конкретных терминологических словосочетаний. А терминологическое словосочетание имеет строго определенный референт во внеязыковой действительности, и прилагательное в нем выполняет главным образом функцию средства идентификации, классификации, ограничения объема понятия, обозначаемого определяемым существительным, а не средства характеризации, как в свободном словосочетании; терминологическое словосочетание воспринимается в целом, как неделимая лексическая единица, в которой семантическая функция отдельного компонента (прилагательного) является ослабленной.

Переходя в сферу общеупотребительного языка, относительные прилагательные часто начинают восприниматься как самостоятельные лексические единицы, способные свободно сочетаться с любым подходящим (или как будто подходящим) существительным и выражать любое атрибутивное отношение. Однако у свободных словосочетаний в сознании носителей языка не фиксирована постоянная связь с определенным референтом в объективной действительности, а с семантической точки зрения атрибутивное отношение, выражаемое относительным прилагательным, является очень обобщенным, неконкретизированным. В результате этого при включении относительных прилагательных в общеупотребительный язык вместо точности часто получается нечто прямо противоположное — понятийная расплывчатость, пустословие, напр., псевдотерминологические словосочетания без конкретного смысла: *alkoholisks bojājums* «алкогольное повреждение», *demogrāfiskā rīcība* «демографическое поведение»; «пустые» определения, дублирующие информацию, однозначно вытекающую из контекста: *autores poētiskais stils* «поэтический стиль автора» в рецензии о сборнике стихов, *augsti sportiskie rezultāti* «высокие спортивные результаты» в информации о спортивных состязаниях; более «выразительное», но и более неконкретное словосочетание вместо однословного обозначения: *ekstrēmistiskie elementi* «экстремистские элементы» вместо *ekstrēmisti* «экстремисты», *tautas poētiskā daiļrade* «народное поэтическое творчество» вместо *tautasdziesmas* «народные песни»; многозначные определения, качественное или относительное значение которых не уточняется контекстом: *akvarelisks gleznojums* «живопись, напоминающая акварель»?, «акварель»?, и т. д.

Другим нежелательным последствием чрезмерного увлечения относительными прилагательными на *-isk-* является замена однотипными словосочетаниями всех других синонимичных возможностей выражения, к тому же более конкретно раскрывающих отношения объективной действительности или более тесно связанных с речевой традицией, напр.: *cilvēka dvēseliska norūdišana* «душевная закалка человека» вместо *cilvēka dvēseles norūdišana* «закалка души человека», *telefoniskas sarunas* «телефонные разговоры» вместо *telefona sarunas* или *sarunas pa telefonu* «разговоры по телефону», *skatuviska diskusija* «сценическая дискуссия» вместо *diskusija uz skatuvēm* «дискуссия на сцене»; особенно часто игнорируется возможность выразить то же отношение генитивом существительного, даже когда словосочетание с генитивом стало уже традиционным, напр.: *faktiskais materiāls* «фактический материал» вместо *faktu materiāls* или *fakti, lauksaimnieciskas problēmas* «сельскохозяйственные проблемы» вместо *lauksaimniecības problēmas, režisorisks kēriens* «режиссерская хватка» вместо *režisora kēriens, tautiskā dejā* «народный танец» вместо *tautas dejā* и т. д. Это ведет к обеднению речи, утрате многообразия средств выражения и свидетельствует о нежелательном сдвиге от исконно латышских конструкций к однообразному, притом заимствованному типу выражения. С точки зрения культуры латышского языка следовало бы ограничить употребление нетерминологических словосочетаний с относительным прилагательным на *-isk-* случаями, когда невозможно другим способом коротко и ясно выразить сложное понятие.